

♠Annotation

Кто не мечтает попасть на бал и танцевать с принцем? Вот и Камилла мечтала. но принц оказался отнюдь не идеальным, а она – недостаточно хорошо владела собой.

Что бывает, когда на балу дебютантка прилюдно оскорбляет принца?

Правильно, ничего хорошего... но Камилла надеялась на лучшее и верила в то, что ее семья уцелеет.

Ровно до тех пор, пока на ночной дороге их не настиг вооруженный отряд.

Первая книга

Оливия Штерн

ГЛАВА 1. темный маг приходит в город

ГЛАВА 2. Бал в Эверморте

ГЛАВА 3. то, что приносит река

ГЛАВА 4. Его высочество Эдвин

ГЛАВА 5. немая

ГЛАВА 6. новый слуга Светлейшего

ГЛАВА 7. Дом в столице

ГЛАВА 8. Принц, герцог и слуга

ГЛАВА 9. Когда печать держит магию

ГЛАВА 11. Право выбора

ГЛАВА 12. Королевская кровь

ГЛАВА 13. Сияние

ЭПИЛОГ. За день до рождения королевы

♠Оливия Штерн

Камилла. Жемчужина темного мага

♠ГЛАВА 1. темный маг приходит в город

Городок был маленький, темный и унылый. И название имел соответствующее – Шаташверин. Жалкие подобию домов, кособокие хижин, начинались прямо от дороги, как будто охватывая ее грязной рукавицей, и сама дорога – та, которая вымощена булыжником – очень быстро заканчивалась. Вглубь города уходила размокшая под дождем грязь в окружении нищих и крошечных, в одно оконце, мазанок.

Аларик положил руку Енму на затылок, заставил того остановиться. неторопливо осмотрелся – не поджидают ли запоздалого путника разбойники? на самом деле смешно: темный маг совершенно незащищен перед людьми. таков удел меченых тьмой: служи людям, а они с тобой могут сделать все, что захотят. но обычные люди не сделают ничего, потому что маг темного ковена – защита от вергов, а вот разбойники не будут разбираться, кто перед ними. Им ведь все равно, с чьего пояса кошелек срезать. Вокруг было тихо, даже слишком. темные силуэты домов, блики лунного света на перемешанной за день грязи, и крепость на возвышении.

«Возможно, они все там, – подумал Аларик, одновременно посылая энергетический импульс голему, – возможно, просто прячутся от вергов».

Енм шевельнулся и покорно потрусил дальше, чавкая грязью.

Аларик на минуту прикрыл глаза, оглядел энергетические контуры голема – все в порядке. Сырая погода и грязь под ногами не были

полезны для Енма: сделанный из глины и скрепленный сильнейшими заклинаниями, он рисковал размокнуть и начать разваливаться. А потом ещё латай его, меси глину, наклепывая мягкие комья на дыры в боках и борозды на лапах.

мимо безмолвно проплывали дома, ни единого огонька. Аларику все это нравилось меньше и меньше, рука сама сжималась в кулак, и там, под пальцами, сворачивалась тугим темным коконом магия ковена. Как ее называл наставник, наверхие тьмы. Если на него нападут, то пусть верги, не люди. Потому что с вергами он разделается

▲легко, а вот люди могут убить и его. таково проклятие темного мага: если мечен тьмой, изволь запереть в себе Дар печатью, чтобы никогда тьма не причиняла вреда людям.

но – обошлось. Аларик выдохнул, когда увидел в оконце тусклый огонек. Все верно! Люди просто спят, и поэтому такая темень. Бедняки не будут тратить лучину, чтоб осветить лачугу ночью.

тем временем грязь под лапами Енма закончилась, появилась мостовая, а за ней и каменные дома. Чуть повыше, с черепичными крышами. начали лаять собаки. Шаташверин, несмотря на свое название, оказался самым обычным маленьким, и, что самое главное, живым городком. К темному ковену обратились потому, что верги объявились где-нибудь поблизости.

Все подробности происходящего можно было узнать у бургомистра, к которому Аларик и направлялся. он миновал череду каменных одноэтажных домов, выехал на широкую улицу, пролегшую меж домов двухэтажных – и там наконец был остановлен патрулем.

– Эй, а ну, стой! Кто такой будешь?

Его нагнали двое на лошадях, с саблями наголо.

– Кто такой? А это что... за вергова тварь?

«ну ведь сейчас ещё и в драку кинутся», – мелькнула горячая мысль.

Аларик откинул на спину капюшон и торопливо поднял руки вверх, демонстрируя отсутствие намерений навредить. Енм чуток вытянул ноги, и Аларик оказался на одной высоте с всадниками.

– маг темного ковена, – громко отрапортовал он, – прибыл по запросу бургомистра Лафроя!

И, уже чуточку тише, добавил:

– Я сейчас достану документы.

один из всадников поморщился и презрительно плюнул на мостовую. Аларик при этом испытал почти неодолимое желание приложить его чем-нибудь потяжелее, например, «шаром тьмы», но – печать, запрет... Хотя шепот тьмы так заманчив, а скользить навстречу бездне так легко.

«Вот так всегда, ты приезжаешь их спасать, а тебе чуть ли не в лицо плюют».

– Показывай, – приказал другой патрульный, молодой парень, гораздо моложе самого Аларика, – и давай, без глупостей.

▲– Да что я вам сделаю-то? – хмыкнул Аларик.

– А это у тебя что, а?

он ткнул пальцем на меч в ножнах.

– ну так я езжу по дорогам. Совершенно один, – спокойно

ответил Аларик, – учитывая, что я ничего не могу сделать с людьми, приходится...

– Хорош трепаться, – оборвали его, – документы давай.
он вздохнул, полез в сумку, достал свиток в кожаном чехле и протянул его патрульному – тому самому, что плевался. тот подхватил чехол, тут же засветил перстень на пальце, а Аларик отметил про себя хорошую работу кого-то из светлого ковена. Или даже монаха.

– Аларик Фейр, маг ковена Ворона, предписано явиться к бургомистру Шаташверина с целью осмотра предместий города и их защиты от вергов, – прочитал патрульный вслух.

Кое-как, сминая, сунул предписание обратно в чехол и протянул Аларику.

– медальон показывай. откуда нам знать, что ты тот самый Фейр из ковена Ворона, а не ограбил его на дороге и не украл документы? Аларик ждал этого, и потому нырнул рукой за пазуху, извлекая медальон. В свете перстня сверкнуло серебро – силуэт ворона, а внизу человеческий череп. Патрульные покивали: теперь сомнений не было, потому что медальоны магов были заговорены на кровь и имя, и никак иначе. Попробуй кто другой примерить медальон – тут же сгорел бы дотла.

– теперь я могу ехать к господину бургомистру? – мрачно спросил он.

– Поезжай, – ответили ему.

И Аларик, сунув обратно медальон, послал Енма вперед, по направлению к крепости на холме, потому что, по его разумению, бургомистр Шаташверина должен был быть там. За спиной раздался цокот подков по мостовой, и его все-таки окликнули:

– Эй, ты! А что это за тварь у тебя?

– Голем, – ответил он, не оборачиваясь.

Енм ступал мягко, бесшумно, что неудивительно для существа из глины и магии. Аларик, невольно морщась, думал о людской неблагодарности, и о том, что с таким отношением к темному ковену он нескоро заведет айшари. Айшари – это ведь по обоюдному

▲согласию, женщина сама должна пожелать стать его, чтобы потом облегчать откаты от использования магии ковена. Пока нет айшари – только головная боль и судороги. И ни малейшего шанса ее найти, разве что какая-нибудь очень, очень бедная девица решит себя продать господину магу вместо того, чтобы продавать себя десяткам и сотням других мужчин. Ему же быть меньшим злом тоже не хотелось. Впрочем, после обращения к Дару и тьме голова болела так, что тут уж и перебирать особо не будешь.

так он въехал на пологий холм, залитый бледным светом луны, и остановился перед воротами крепости – старой, приземистой и похожей на большую черепаху. он несколько раз постучал в створку, прежде чем там открылось маленькое оконце, и на Аларика в свете факела подозрительно уставились выцветшие старческие глазки.

– Кто такой?

– Аларик Фейр, – отрекомендовался он, – господин Лафрой должен меня ждать. Я по предписанию ковена Ворона.

– Господин Лафрой, – ответили ему из-за ворот, – никого не ждет. он спит. К полудню будет принимать, так к полудню и приходите.

– мне надо сейчас, – настойчиво сказал Аларик, – по крайней мере, пустите меня внутрь. Я что, должен под открытым небом ночевать?

– А ты, милоч, езжай на постоянный двор, – посоветовали ему, –

а завтра в полдень приходи, господин Лафрой тебя примет, и все свои дела уладите.

тьма, леденящая, мертвая, всколыхнулась в груди вместе с магией.

И тут же – огненная, выжигающая рассудок боль в предплечье.

Аларик скрипнул зубами. Дурак, дурак, все никак не привыкнешь быть покорным, все никак не научишься оставаться спокойным – даже в том случае, когда хочется разнести к вергам эту крепость, а заодно выпить жизнь из всех присутствующих.

– Езжай, езжай, – напутствовали его, когда Аларик развернул голема и тронулся с места.

обратно в город. темный, сырой и такой неприветливый. Шансы переночевать в сухой и теплой постели стремительно таяли.

«ну, хорошо, – он старался думать спокойно, – верги с ними, верги с этим бургомистром. А не вернуться ли в ковен, и гори оно всем синим пламенем? так и скажу – не пустили. но ведь... нельзя.

♣Предписание не может быть не выполнено. И многие могут погибнуть, ежели верги полезут из-под земли где-нибудь в этом... Шаташверине. Вот так, да. они плюют тебе вслед, а ты их защищай. Проклятье. ненавижу людей».

оказавшись на большой площади, Аларик снова огляделся.

темень. В окнах ни огонька, все спят. Кто и куда его пустит?

Потом он услышал, как где-то хлопнула дверь, послышались голоса – и поехал на звук. Хотелось верить, что в центре города он не напорется на местную шайку. не то, чтобы боялся, ему просто не хотелось лишней крови. Да и снова как-то странно получалось, убивать тех, кого прибыл защищать.

Ему несказанно повезло: буквально за углом оказался дом развлечений. Вот там в окнах горели лампы, просвечивая сквозь грязно-розовые занавески, и именно оттуда только что вышел хорошо одетый господин и, сопровождаемый слугой, отправился восвояси. Аларик поморщился – он брезговал подобными заведениями. но теплая и сухая постель манила. А еще... возможно, там ему предложат ванну? Конечно, за отдельную плату, но все же...

И он решился. Спешившись, оставил Енма стоять в тени, а сам, прихватив дорожную сумку, двинулся в сторону борделя. открыл дверь и шагнул внутрь, где было душно, пахло дешевыми духами, пудрой, несвежим бельем. Пахло настолько неприятно, что Аларик даже отшатнулся, попятился было обратно – в темноту и сырость, но хотя бы свежую – однако, тут же был подхвачен под локоть маленькой и шустрой женщиной в длинном бордовом халате. недостаток роста она с лихвой возмещала прической в виде башни из мелких рыжих кудряшек.

– Господин! Извольте, извольте, проходить. Чувствуйте себя, как дома. Вернее, даже лучше, чем дома – ведь просто так к нам мужчины не ходят, верно говорю?

И впилась в его лицо темными и блестящими глазами-бусинами. опешив, Аларик не знал, что и сказать: все-таки бывал он в подобных местах... да что там, почти никогда.

– Девочки! Девочки! – крикнула тем временем госпожауправительница, – Жанна, Годива, Амелия! Живо сюда! А вы, – тут она снова обратила свой взгляд на Аларика, – а вы каких предпочитаете?

▲ответа она так и не дождалась. Жалея, что поддался искушению переночевать в нормальной постели, Аларик обреченно осматривался: стояли они в довольно просторном холле, стены забраны алыми драпировками, по углам – диваны и кресла, кое-где столы, и там початые бутылки.

– У нас – приличное заведение, – сказала управительница, все ещё крепко держа его за локоть, – не извольте беспокоиться. А деньги-то есть?

он молча кивнул. Взгляд все ещё липнул против воли к этим навязчиво-ярким диванам, и с трудом оторвался от них, когда в холл вбежали три девицы в нарядах весьма вызывающего вида. Да, собственно, были они в коротеньких сорочках с рюшами, в чулках, в туфельках и в легких, полупрозрачных шалях. Две светловолосых, одна брюнетка.

– Жанна, – светленькая шагнула вперед, впилась любопытным взглядом, – десять крон серебром, Амелия, – ещё одна светловолосая девица, ухмыляясь, сделала шаг вперед, – двадцать. Потому что только год у нас работает. ну и Годива... Пятнадцать. Взгляд брюнетки выражал тревогу, и Аларик сообразил, что она уже поняла, кто он. Возможно, так будет гораздо проще. И он ткнул пальцем в Годиву.

– Деньги вперед, – напомнила управительница, – уж будьте любезны.

– Я хочу помыться, – заявил он, решив брать от жизни все.

– Еще пятак, в комнате Годивы как раз есть ванная.

Пока Аларик отсчитывал монетки, Годива стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу. Аларик даже засомневался – а ну как объявит сейчас во всеуслышанье, что не будет обслуживать темного мага? но нет, потом она просто взяла его за руку и повела за собой, куда-то в лабиринт темных и пропахших несвежим бельем и пудрой коридоров. Странно и непривычно – взяла за руку.

***

Комнатка у Годивы оказалась маленькая и до самого потолка забитая каким-то тряпьем. Ровно посередине стояла широкая кровать,

▲застланная потертым розовым покрывалом – такого же отвратительного оттенка, как и занавески на окне. Рядом с кроватью был крепкий деревянный стул с высокой спинкой. Вот и вся мебель – а у стены сплошные тюки, какие-то платья, мятые и кое-как сложенные. низенькая дверь вела в соседнюю комнату. несколько минут они молчали: Аларик осматривался, чувствуя, как растет в душе омерзение ко всему происходящему, а Годива молча стояла рядом. Потом он глянул на нее, чтоб хотя бы рассмотреть лицо: молоденькая, курносенькая, с тонкими губами, щедро намазанными красной помадой, растрепанная прическа, прямые пряди падают на лоб. И темные глаза обведены черным карандашом так, словно у нее синяки от недосыпания. Годива стояла, сутулясь, обхватив себя за плечи тонкими руками, и было видно, что ей совершенно не нравится такой клиент – но деваться некуда.

– Ванная там, – наконец сказала женщина, – ты ничем не болен? Если болен, то надо амулет активировать.

– не надо, все со мной в порядке, – он расстегнул пояс, положил ножны с мечом на тот единственный стул. туда же последовал нож. Глянув на Годиву, Аларик холодно поинтересовался, – не бросишься

на меня?

она фыркнула.

— Зачем? ты мне ничего дурного не сделал.

— темных магов не любят, — он снял плащ, кафтан, развесил их на спинке стула.

— А за что вас любить? Вы ж младенцев крадете и едите.

— Это кто такое рассказывает? — руки, потянувшиеся к застегкам на вороте туники, на миг замерли.

— Все это знают, — мрачно ответила Годива, — надеюсь, ты проездом.

— А вот и нет, — Аларик не смог скрыть злорадства, — я здесь задержусь. но не думай, что мне так хотелось ехать в этот ваш... Шаташверин. Я приехал, потому что поблизости видели вергов. Годива вздохнула, а потом уселась на кровати, упершись ладонями в округлые колени.

— Да, слышала, с месяц назад. Был прорыв, их, конечно, убили, но...

♣— но темный маг гораздо эффективнее, правда? А светлая магия вергов не берет... И поэтому ваш бургомистр написал в ковен Ворона с просьбой прислать мага...

Аларик стянул тунику, бросил ее поверх одежды, потянулся к штанам — но затем, сперва разувшись, босиком прошлепал к двери в ванную.

— там в бадье грелка, — донеслось в спину, — полотенца на бортике. Чистые. До тебя ещё никто купаться не лез.

Ванная оказалась ещё меньше спальни, но здесь была деревянная бадья с чистой теплой водой — на дне светились греющие амулеты. Аларик стянул штаны, аккуратно сложил их на табурет, а сам, не веря собственному счастью, погрузился в воду. Сперва по горло, а потом и вовсе с головой. Благодатное тепло побежало по телу, согревая и затекшую спину, и ноющую поясницу. он вынырнул, отбросил со лба волосы и закрыл глаза. Кажется, жизнь начинала налаживаться... ну, а то, что бургомистр не принимает посетителей по ночам — так оно ж с самого начала было понятно.

Пар стелился над водой. Здесь не было запаха пудры и грязного белья — только сырость и какие-то травы. И так сделалось хорошо, что, казалось, даже тьма глубоко внутри размякла и уже не была такой страшной и ледяной.

«ну, отлично, — медленно думал Аларик, — завтра я посету господина бургомистра. И если выяснится, что я тут не нужен, отправлюсь в обратный путь. Всего-то три дня добираться. А если верги здесь бывают, придется поработать. Во славу ковена».

мысли переключились на ковен. на самом деле, Аларик не испытывал к нему никаких чувств: ни особой любви или признательности, ни раздражения. Ковен просто был в его жизни, ковен правил ей — но это та цена, которую платили все темные маги за возможность безбедной жизни в мире победившего Света. Иногда Аларику казалось, что, если б не существование вергов, всех темных извели бы, ещё во младенчестве, когда маг совершенно беззащитен. А так получалось, что нападения вергов оправдывали существование темных магов. Было во всем этом что-то неправильное и несправедливое, но надо было просто смириться с тем, что в ближайшее время ничего не изменится. темные маги — хороший

◆инструмент в борьбе с врагом, ну а то, что за людей их мало кто держит – никого не волнует, можно и потерпеть, выбор невелик...

А вот что будет, когда вергов не станет?

«но ты же знаешь, что они будут всегда? Королева уже никогда не убьет короля, она сама давно мертва, и тело ее истлело два столетия назад».

В самом деле, оставалось только успокоиться и принимать жизнь такой, какая она есть: миром правят Светлые, темные же бьют вергов и запечатывают их ходы. И лучше принадлежать ковену, чем быть свободным темным и однажды попасться светлейшему ордену.

он поймал себя на том, что начал задремывать, поэтому выбрался из бадьи, старательно обтерся кусками полотна – оно и в самом деле оказалось чистым, сладко пахло розами – а затем, обмотав бедра обрезом подлиннее, вышел из ванной.

Годива все так же сидела на краю кровати, и ее кулачки были судорожно сжаты. она вскинула взгляд на Аларика, помолчала, а затем сказала:

– В первый раз вижу рыжего темного мага.

– Сразу видно, кто я? – он подошел ближе, раздумывая, насколько чистыми окажутся простыни.

– так ведь вышивка по вороту...

– А вот ваша управительница не сообразила.

– Да все она сообразила, – женщина устало махнула рукой, – просто до денег жадная. Слишком жадная.

Потом, помолчав, она сухо поинтересовалась:

– ты как будешь? Сверху? Снизу?

– Встань, пожалуйста, – попросил Аларик.

– Стоя? неудобно будет.

но она все-таки поднялась, а он молча нырнул под покрывало и вытянулся на кровати, разбросав руки в стороны. Вот оно, счастье.

– И-и? – протянула Годива, хлопая глазами.

– А теперь я буду засыпать, – сказал Аларик, – а ты посиди рядом, и можешь рассказать мне, что происходит в городе. Уж если мне предстоит здесь задержаться, то я бы предпочел знать, кто есть кто...

– ты что, просто спать будешь? – кажется, она не верила.

◆– Именно так, – прошептал он, – не обижайся. И никому об этом не рассказывай, договорились? Это будет наш маленький секрет. Годива фыркнула. И ничего не сказала: откуда-то достала теплую шаль, завернулась в нее и уселась на край кровати в ногах, потому что стул был занят одеждой.

– Знаешь, а ты ничего так, – пробивалось сквозь дрему, – если захочешь как-нибудь... заходи, денег не возьму.

– так ведь не ты здесь хозяйка...

– ничего, как-нибудь устрою. Глаза у тебя красивые.

– Я же темный маг.

– А покажи, где эта печать, которую вам всем ставят.

он повернул руку так, чтобы она могла рассмотреть тот старейший шрам. Клеймо. Знак сдерживания, в который зашито заклинание светлого ковена.

– Больно было? – шепотом спросила женщина.

Аларик молча кивнул.

– И как ты на такое согласился?

– мне пришлось выбирать между этой печатью и смертью, – просто ответил он, – кажется, выбор очевиден.

– не повезло тебе, – она вздохнула, – ну, ладно. А что тебе рассказать? Здесь у нас мало чего интересного случается, а если и случается, то я об этом не знаю. но вот в соседнем городе – о, я слышала, там на днях будет бал у герцога Велье. И даже принц Эдвин Лоджерин приедет, потому что герцог – это его родственник. Хотела бы я посмотреть на этого принца!

– Зачем тебе? – сонно пробормотал Аларик, – я слышал, он сволочь ещё та...

– но принц же... все-таки... ну и ладно. ну и верги с ним, с принцем. А скажи, правда ли, что темные маги знают, когда мы избавимся от вергов?

– так об этом все знают, – он приоткрыл один глаз, посмотрел на Годиву. она буквально пожирала его взглядом, так ей было интересно, – дело-то давнее. Когда-то один из наших королей похитил подземную королеву, взял ее силой и так и не женился. А когда она рожала и не могла разродиться, он приказал ее убить, чтобы вынуть ребенка из чрева. И когда королева умирала, она прокляла эти земли, и этим проклятием обрекла на войну два народа, и свой, и наш.

♣Вергов обуяла жажда мести, понимаешь ли... и они утратили рассудок. А люди – те, кто на земной поверхности – обречены воевать, терять близких, раз за разом, до тех пор, пока королева не убьет короля. Это исходя из проклятия.

– А как она его убьет-то? – спросила Годива.

– то-то и беда, что уже никак, – пробормотал Аларик, – поэтому войне конца не будет, а все эти легенды – так, чтоб развлечься...

– ты в это не веришь, да? В проклятие?

– Уже не верю, – выдохнул он и зевнул, – пожалуйста, помолчи немного, а? И разбуди на рассвете.

***

Конечно же, на рассвете его никто не разбудил, и поэтому Аларик проснулся позже – от криков и воплей, которые без труда просочились сквозь окно. Годива, подкатившись ему под бок, и укутавшись в шаль, продолжала спать сном младенца. Аларик застонал от досады. ну как же так? Голем, провались все к вергам. Голем!

Скатившись с кровати, он принялся натягивать штаны – и все казалось, что делает это слишком медленно, потом нырнул в тунику, сунул босые ноги в сапоги и, на всякий случай прихватив меч, бегом устремился на улицу. По пути он никого не встретил: после рабочей ночи дом развлечений спал крепким сном.

А на улице, там, где оставил Енма, разворачивалась нешуточная драма. несчастный голем спокойно стоял, окруженный истерично орущей толпой, и к нему уже пробивались патрульные, целых четыре, пытаясь перекрычать вопящих кумушек и локтями прокладывая себе дорогу.

– Стойте! – успел крикнуть Аларик, но его никто не услышал. он рванулся вперед изо всех сил, но, конечно же, не успел. толпа взревела торжествуя, когда сабли патрульных обрушились на Енма. Правда, торжествовали они недолго: Аларик не

нужно было даже видеть, что там произойдет дальше, он лично накладывал заклинание. С громким хрюкающим и хлюпающим звуком

▲голем попросту взорвался. По сути, огромный ком мокрой глины разлетелся во все стороны, расшвыряв людей и облив их глиняными потеками.

— о, Енм, — жалостливо выдохнул Аларик.

не то, чтобы ему было жаль голема — он не чувствует боли и у него нет души. Жаль было скорее себя и собственные усилия по созданию этого существа.

И теперь, когда спешить было уже некогда, Аларик попросту стал в стороне и принялся ждать.

Люди расходились, ругаясь, стряхивая на мостовую глиняные комья. Кое-с-кого глина стекала густыми каплями. Больше всех пострадал один из патрульных, он сам стал похож на голема. Сослуживцы соскребали с него пласты мокрой, очень эластичной глины, бросали ее под ноги.

— Верги знают что! — обронил кто-то, проходя мимо, — Светлейший, оборони от исчадий тьмы!

И Аларик был с ним полностью согласен. Стоя на промозглом ветру, он ежился, но все-таки решил дожидаться, когда все разойдутся, а когда улица снова опустела, протянул руку, растопылив пальцы, обращаясь к холодной тьме внутри себя и посредством заклинания придавая ей нужную форму. Как говорил наставник, тьма — это наш инструмент, но инструмент с собственным подобием сознания и, соответственно, желаниями. Сущность, иначе и не скажешь, и сущность опасная — поэтому и печать нужна, не обученный и незакрытый темный маг есть угроза для многих.

С пальцев сорвались темные молнии — как будто расколов серую дымку пасмурного утра. молнии вонзились с шипением в мостовую, туда, где были разбросаны комья глины, и, не прошло и нескольких минут, как комья, ожив, начали сползаться в одну большую кучу.

— Вот так, — шепнул Аларик довольно, опоясывая кучу глины энергетическими обручами.

Собрав все до крошки, он встряхнул пальцами. Виски начало покалывать, а это значило, что так и до мигрени недалеко... но день только начался, да и дел полно.

Аларик, ежась, вернулся в бордель — там было тепло, душно, после ночи витал винный запах — и не удивился, что Годива поджидала его внизу. Пока он собирал своего голема, она успела

▲умыться, кое-как причесалась и оделась в простое серое платье с очень скромным воротом.

— Идем, я заказала тебе завтрак, — негромко сказала она.

И это было очень кстати, потому что Аларик был не прочь перекусить и совершенно не знал, как вернуться в комнату, где провел ночь. Поэтому он послушно следовал за женщиной и тихо порадовался, когда увидел на застланной уже кровати поднос. там была большая тарелка с нарезанным вареным мясом, кубиками желтого сыра, свежим хлебом. Помимо этого, там же стоял пузатый кувшин. Аларик сунул в него нос, сообразил, что это простокваша. очень даже неплохо для борделя.

— Сейчас, мне бы умыться, — пробормотал он, скрываясь в ванной.

Годива посмотрела на него так, как мамы смотрят на деток, и молча кивнула.

Потом, когда Аларик привел себя в порядок и уселся завтракать, она вкрадчиво поинтересовалась, куда дальше двинется господин темный маг.

Аларик не видел смысла скрывать. Господин темный маг должен навестить бургомистра, а уж там хотелось верить, что бургомистр выделит какое-нибудь жилье — на то время, пока он будет охранять славный город Шаташверин от вергов, настраивать защитные контуры и, может быть, даже вступит с вергами в схватку, если они посмеют вылезти где-нибудь внутри охранного периметра.

— Если что, я могу стирать и убираться в доме, — многозначительно сказала Годива.

— Этот дом сперва не мешало бы заполнить, — ответил

Аларик, — а тебя хозяйка отпустит?

— Раз в три дня я выходная, — деловым тоном сообщила

Годива, — ну, если, конечно, ты не побрезгуешь. Спать ты со мной так и не стал. А я, в общем-то, ещё ничего.

Аларик пожал плечами и ничего не ответил. Потом подумал и все-таки сказал:

— Если не будешь воровать, то наверняка мне пригодится

горничная и прачка. Хотя некоторые вещи может делать и Енм.

— Енм... Это то самое, что развалилось у нас под окнами?

▲— Это мой голем, — он покачал головой, — знаешь, очень удобно. Есть не просит. Форму принимает ту, которая мне удобна.

— Знаешь, — в тон ему ответила Годива, — а ты ничего, хоть и темный маг. Рыжий темный маг, ну надо же.

— Глава ковена вообще блондин, но раз в месяц красится в брюнета, — заметил Аларик.

И они расстались практически друзьями. Годива серьезно пожала ему руку и расцвела, когда обнаружила в своей ладони серебряный пятак.

— Куплю себе новые чулки, — сказала она и подмигнула, — а ты подумай... ну, вдруг?

...К бургомистру Аларик все же отправился верхом на Енме, коекак придав ему форму четвероногую и с головой. на хвост глины не

хватило — видать, унесли на одежде. но даже то, что получилось, выглядело внушительно. По крайней мере, люди шарахались, едва завидя фигуру в черном плаще на спине глиняного чудовища.

Днем ворота была открыты, и он въехал в них почти беспрепятственно: все-таки снова пришлось объяснять, кто он и что, показывать предписание и медальон. Потом ему приказали оставить голема во дворе, а самому, уже безоружному, подняться по во-он той лестнице и ждать.

Аларик прождал два часа под закрытыми дверями и, наконец, был принят господином градоначальником Шаташверина.

Лафрой, тучный, с лоснящимся круглощеким лицом, сидел за большим столом и изволил то ли завтракать, то ли уже обедать. он прищурился на темного мага и многозначительно протянул «ага». так же многозначительно умолк, откусывая от жареной куриной ноги. Аларик, не одобрявший такое отношение к собственной особе, но привыкший к оному, спокойно ждал, стоя.

— Покажите-ка вашу печать, — наконец изволил сказать господин бургомистр.

Аларик пожал плечами, подкатил рукав и, быстро преодолев разделявшее их расстояние, сунул предплечье в лицо Лафрой.

– Фу, – сказал он и передернулся, – мерзость-то какая. Это точно оно?

– точно, – Аларик провел подушечкой пальца по застарелому бугристому шраму от ожога, и по нему скользнули белые крошечные

▲молнии.

– Хорошо, – наконец смиростивился Лафрой.

он помолчал, выпил из высокого стакана морса, а потом заговорил.

– Верги полезли к западу от Шаташверина. Прямо из-под земли лезли, хорошо, что в ту пору там неподалеку городской гарнизон учения проходил. Их, конечно, порубили в фарш, но не обошлось без потерь... А коль они однажды тут вылезли, я понял, что теперь надо их ждать частенько. И написал письмо Светлейшему, чтобы помог решить эту проблему. А Светлейший, наш архимаг то есть, дал высочайшее разрешение обратиться к вашему ковену... Что там за ковен у вас? Запоматовал.

– Ковен ворона, – подсказал Аларик.

– Ишь ты, как глазами сверкает, – пробормотал бургомистр, – ну, в общем, теперь вы поживете в Шаташверине, до тех пор, пока мы не убедимся, что опасность миновала.

– И где я буду жить? В крепости? – поинтересовался Аларик.

– Еще чего не хватало, – Лафрой смешно вытаращился, став чем-то похожим на вареного рака, такой же красный и глаза выпученные, – здесь я живу и моя семья. Еще не хватало нам тут темного мага каждый день видеть. Вас, кхе, мой слуга ответит... У нас тут есть дом у реки, на окраине, все, кто в нем жил, умерли от холеры, а наследников не осталось. так что поживете там. Рядом роща и река, Свуфтица. Правда, после сильных дождей она разливается, и порой сильно, но дом был построен на сваях, добротный такой дом, и поэтому ему разливы реки не страшны.

Аларик ничего не ответил, но подумал, что разливы реки страшны голему. И значило это, что Енма придется держать в доме, а это, в свою очередь, уже означало, что весь пол будет измазан глиной. но – ничего не поделаешь. Глина на полу это ведь не самое страшное, что может приключиться.

– Благодарю, – Аларик даже слегка поклонился, – когда я могу увидеть свое новое жилище?

– Прямо сейчас, – с удовлетворением в голосе ответил

Лафрой, – как выйдете отсюда, попросите, чтобы Шай вас провел. тут недалеко, за час доберетесь.

– Еще раз благодарю, – сказал Аларик.

▲А сам, уже переступая порог комнаты, подумал о том, что зря бургомистр не захотел поселить темного мага рядом со своей семьей. Потому что верги – они ведь люди земли, и вылезти могут откуда угодно – в том числе, внутри крепостных стен.

он тут же одернул себя. Потянулся магическим восприятием к полу. Вздохнул. Конечно, какая-то защита была наложена, но она безнадежно устарела, и вообще непонятно, на чем держалось. Впрочем, то был выбор бургомистра, и Аларик вовсе не собирался его в чем-либо переубеждать.

***

на удивление, дом оказался неплохим. Да, он выглядел совершенно заброшенным, да, с балок свешивались седые лохмы паутины, но в целом это оказалось довольно крепкое деревянное строение о четырех комнатах, с пристройкой и даже мансардой, где уместилась одна маленькая комнатка.

мебель осталась от прежних хозяев — тех, что умерли от холеры. Аларик осмотрел тяжелые дубовые шкафы, кровати, столы и стулья, и с удовлетворением отметил, что все это вполне пригодно для жизни, особенно если вспомнить, что в его комнате в замке ковена обстановка была куда скромнее. он заглянул в спальни, пустые кровати из потемневшего дерева стояли мрачными изваяниями, и решил, что не хочет спать там, где, возможно, кто-то умер. не то, чтобы Аларик боялся смерти или мертвецов, но думать о том, что ты лежишь на перине, на которой до этого кто-то расстался с жизнью, было неприятно. И поэтому, когда, поднявшись в мансарду, он увидел что-то вроде кабинета с пухлым диваном, выбор был сделан. Этому поспособствовала ещё и относительная чистота диванной обивки: похоже, диван был куплен незадолго до эпидемии и поставлен в хозяйский кабинет. Поразмыслив, Аларик решил, что купит пару комплектов постельного белья и подушку, и будет спать в кабинете. В конце концов, когда окно будет вымыто, из него откроется хороший вид на речку: в пасмурную погоду она будет темным зеркалом, а в ясную — нарядной синей лентой в обрамлении зеленой травы.

▲Аларик с интересом осмотрел ящики стола, но ничего там не нашел, кроме отсыревшей бумаги и нескольких ржавых перьев. но зато внизу, когда он вышел в пристройку, на кухню, его любопытство оказалось вознаграждено в полной мере: открыв старинный сервант, он обнаружил несколько больших банок с вареньем, закрытых бумажными листками. Перетянутая тесьмой, бумага топорщилась, как пачки балерин, провокационно обнажая янтарные дольки абрикос, и вишни в тягучем темном сиропе.

Аларик подвинул себе стул и сел на него, опершись подбородком о руки. Взгляд скользил по холодной печи, по ряду начищенных сковородок, висящих на крючьях вдоль стены, по ряду кокетливых банок с вареньями. Вейло от всего этого домашним уютом, и Аларик с тоской подумал о том, что слишком мало этого тихого домашнего счастья ему выпало. Впрочем, теперь это не имело никакого значения: он был темным магом ковена Ворона, его магия была эффективна против вергов, и после каждого боя у него невыносимо и мучительно болела голова.

▲ГЛАВА 2. Бал в Эверморте

— Почему так получилось, что дядя богат, а мы — бедны? — она задала этот вопрос, крутясь перед зеркалом.

Зеркало было большим, в полный рост, и заключенным в старинную бронзовую раму. Камилла отражалась в нем целиком — от кончиков серебристых парчовых туфелек до самой верхней жемчужинки диадемы. Серебро и жемчуг заманчиво блестели в волосах — слишком светлых, почти белых, отливающих слабым перламутровым сиянием.

Платье тоже было хорошо. Даже страшно думать, сколько отец отдал за него: из атласа бледно-розового оттенка, с корсажем,

украшенным мелкими жемчужинками. Подол был расшит шелковыми розами, и такие же розы шли по вырезу, формируя бретели. Восторг, вот что она испытывала. Это было ее первое платье, и это должен быть ее первый бал. Камилле исполнилось восемнадцать – тот возраст, когда, хочешь-не хочешь, но девушка из благородной семьи должна быть представлена высшему обществу. И вот, бал приближался, приближался... до тех пор, пока не настало это солнечное утро, и старая Ханна не принесла платье. Камилла все не могла на себя насмотреться. Это не платье – это настоящее чудо! До этого у нее были только серенькие, неприметные, в которых она сама себе казалась бледной молью. А в этом розовом великолепии, с жемчугом в волосах Камилла едва узнавала себя. Даже глаза, казалось, поменяли оттенок: были просто серые – а стали волшебными алмазами, переливающимися, искрящимися, заключенными в темную оправу.

– так получилось, – вздохнула из-за спины матушка, – так устроен мир: твой дядя – старший брат в семье, а твой отец – младший. Старшим всегда достается больше, моя жемчужинка. И от ее голоса стало так горько, так совестно, что Камилла, развернувшись, бросилась матушке на шею, горячо шепча – прости, прости, я не хотела тебя обидеть. – но, милая, ты меня вовсе не обидела, – теплые ладони матушки легли на щеки, – такова жизнь, и надо ее принять такой,

▲какая она есть.

Камилла отстранилась и посмотрела на матушку: они были очень похожи, именно от нее Камилла унаследовала и белые волосы, и очень светлые серые глаза, и точеную фигуру. А ещё матушка была очень добра – и это тоже досталось Камилле. Ей порой было так жаль весь мир, что хотелось плакать.

– Вот и выросла моя девочка, – со вздохом сказала матушка. Камилла вздохнула.

Потом тряхнула головой и даже топнула ногой.

– А я, пожалуй, знаю, как нам разбогатеть. В меня влюбится принц, и женится на мне!

матушка усмехнулась уголком рта – так, как это делала и сама Камилла.

– Принцы не женятся по любви, дорогая.

– А я сделаю так, что он на мне женится, – запальчиво возразила Камилла, – это платье – оно делает меня прекрасной, правда ведь? Разве хоть кто-нибудь устоит?

она удостоилась ещё одной грустной усмешки. И вдруг подумала, что платье матушки куда как более бедное, чем ее: из темно-синего бархата, но почти без шитья. очень скромное.

«Принц на мне женится, и тогда я смогу купить матушке новое красивое платье. А папеньке – новые сапоги, которые не будут натирать ему ноги», – решила она про себя.

– Я думаю, что, когда ты увидишь принца Эдвина и поговоришь с ним, ты сама передумаешь его очаровывать, – сказала матушка.

– он уродлив?

– он прекрасен, – возразила матушка, – но...

— ну, тогда не вижу препятствий, — весело сказала Камилла, — я ведь ничем не хуже других, правда ведь? И наша семья — она имеет древнюю историю...

— Я полагаю, что в вопросах выбора объекта обожания тебе лучше слушаться папеньку, — кротко посоветовала матушка, — папеньке виднее.

но Камилла едва ли слышала это. она снова покрутилась на одной ножке перед зеркалом, все ещё не веря в то, что — вот она, такая воздушная и прекрасная. она искренне верила в те мгновения в то, что

▲весь мир у ног, и что первый же попавшийся принц влюбится в нее, едва завидев.

мир и вправду расстился у ее ног, сверкал бриллиантовой пылью, и был настолько прекрасен — насколько вообще он может быть прекрасен для восемнадцатилетней девушки из древней, благородной, но очень бедной семьи.

— нам пора, — весело напомнила матушка, — карета ждет.

***

Карета была старой и походила на скорлупу сгнившего ореха, посаженную на непомерно скрипучие рессоры. Правда, Камилла этого не замечала: усевшись на потертый диван рядом с маменькой и напротив папеньки, она отодвинула в сторону плотную занавеску, пошитую из куса старого гобелена, и принялась с интересом смотреть в окно. В конце концов, они слишком редко выезжают за пределы имения, чтобы пренебрегать такой отличной возможностью посмотреть мир! Папенька лишь усмехнулся, покачал головой и ничего не сказал, но при этом Камилла точно знала, что он радуется сейчас — радуется вместе с ней, и когда она ловила его взгляд, то абсолютно точно видела, что в светлых глазах пожилого и больного папеньки живет любовь.

Карета дернулась и покатила по дороге.

Камилла видела, как они миновали покосившиеся и потому всегда открытые ворота особняка, как, подпрыгивая на ухабах, миновали гранитную глыбу, которая лежит здесь, наверное, от самого Сотворения. Дальше последовали унылые поля с редкими кустиками, далеко за ними чернела зубчатая кромка ельника. Внизу, у корней, уже было белым-бело от тумана, и поля — только освободившиеся от снега — тонули в сизой мгле ранних сумерек.

Камилла поежилась: в карете делалось зябко. И тут бы плотнее задернуть занавески, но уж очень хотелось смотреть на большой мир не из окошка собственной спальни. А как иначе, если до сей поры она дальше городской ярмарки не бывала? А здесь — несколько часов езды, в эвермортский замок. И Камилла плотнее запахнула на груди шаль из козьего пуха. Сейчас бы не помешала шубка. Или мантия. но ни

▲первого, ни второго у нее не было — было лишь платье, пошитое специально для этого бала, и которое наверняка стоило целое состояние.

— Беспокойно мне что-то, — пробормотала маменька, — как бы верги не встретились.

— ну что ты, дорогая, даже не думай об этом. Их давно не было в этих краях. Да и что им здесь делать? Даже не пограбишь, — сдержанно ответил барон Велье.

— ты ведь знаешь, дорогой, что они приходят не грабить, а

убивать, — возразила баронесса Велье, — да и... сама не знаю. Беспокойно без причины.

— А ты не думай, — посоветовал папенька, — вон, смотри лучше на нашу курочку. Первый бал, первый выход в свет. Честно говоря, не думал, что братец вспомнит о нас. А он вспомнил. И пригласил, зная, что будет младший Лоджерин.

— невелика жертва с его стороны, — фыркнула матушка, — он уж который год обещает тебе вернуть те спорные уголья, да все никак. А мог бы... Знаешь, я порой не понимаю, зачем ему ещё и эти жалкие крохи? он не обеднеет, если их лишится.

Папенька умолк и начал дергать седую прядь у виска. Камилла знала, что он всегда так делает, когда особенно переживает и когда не знает, что ответить. Ей стало жаль отца, и она даже немного разозлилась на матушку: зачем напоминать человеку о том, что ему неприятно? но барон решил сменить тему разговора. он посмотрел на Камиллу, улыбнулся, и спросил:

— ну что, курочка моя, ты уже решила, сколько танцев будешь танцевать? Я уверен, сегодня ты затмишь собой всех.

Камилла пожала плечами. на самом деле у нее уже собралось столько впечатлений, что она даже не думала, а что будет там, в сияющих залах герцогского замка.

— наша дочь собирается обаять принца, — сухо заметила матушка.

— ну, а что? — барон усмехнулся, — было бы недурственно... наверное, недурственно.

— ты же знаешь, что о нем говорят, — теперь уже матушка принялась теревить шелковый платочек, что намекало на волнение.

♣— Да мало ли что говорят? Завистники говорят. Эдвин Лоджерин невероятно хорош собой и так же сказочно богат. Рядом с ним любой почувствует себя обиженным и обделенным. ну, а мы на него посмотрим сегодня. И, наконец, чем не пара для нашей жемчужинки? матушка нахмурилась и помолчала, затем довольно сухо ответила:

— мне все равно не слишком нравится эта идея. Вон, и Камилла уже объявила, что на ней женится принц. А по мне, это глупо — заявлять подобное о человеке, которого ни разу не видела и с которым никогда не говорила.

Камилла вздохнула и поежилась под пуховой шалью. Разговор сворачивал совсем не туда, ее радужное настроение само собой начало гаснуть. она посмотрела в окно: сумерки постепенно сгущались, карета, скрипя и как будто вздыхая на колдобинах, катилась все дальше — и все ближе к лесу. Пахло сырой землей, какой-то особенной свежестью, какая бывает только в марте, когда на дорогах грязь по колено, травинки только-только пробиваются сквозь чернозем, но ветер уже несет сладость настоящей, цветущей весны. И, повинуясь веянию этой сладости, и свежести, Камилла позволила себе немного помечтать о том, как ее представят принцу Лоджерину, и как он пригласит ее на танец, и как они будут кружиться по залу, а потом он отведет ее на кушетку в углу зала, подаст бокал... И, конечно же, остаток вечера они будут мило беседовать, постепенно узнавая друг друга и влюбляясь. И когда Камилла будет садиться в карету, чтобы ехать домой, принц Эдвин обязательно подаст ей руку, и у него будут длинные ухоженные пальцы с чистыми ногтями, а сам он... тут Камилла подумала, что понятия не имеет, как выглядит принц

Эдвин. она хотела спросить у матушки или у папеньки, но глянула на них, задремывающих, и передумала. Позволила своему воображению нарисовать облик принца: он обязательно будет шикарным брюнетом с длинными волосами, и у него будут колдовские зеленые глаза. ну и, конечно же, широкие мускулистые плечи, сильные руки и подтянутые бедра. А как иначе?

...Карета въехала в лес, и сразу потемнело. теперь мимо окна мелькали черные стволы и темные еловые лапы, а у самой земли стелился туман. Лошади – единственная пара барона – бежали бодро, глухой стук копыт, скрип рессор то и дело прерывался окриками кучера.

♣«Скорее бы уже приехать», – подумала Камилла.

тревога матушки передалась и ей, и отчего-то начало казаться, что сейчас за каждым стволом притаился верг в черных доспехах, или вотвот вспучится земля под копытами лошадей, карета завалится набок, и ее изрубят в щепки – вместе с пассажирами.

«Верги, – вертелось в голове, – верги... Из-верги. Когда они уйдут?»

И сама же себе отвечала – никогда. мертвая королева не восстанет из могилы, и безумная жажда крови никогда не оставит ее народ.

она видела однажды мертвого верга. Это случилось пару лет назад, когда мимо их поместья ехал небольшой отряд, и на телеге они везли тех самых вергов. Убитых. они потребовали у папеньки предоставить им ночлег, и барон не мог отказать. телегу оставили во дворе, она была накрыта рогожей, но из окна Камилла все же увидела, как наружу торчит замершая рука в черных блестящих латах.

Удивительно, но ладонь и пальцы у этой руки казались вполне человеческими, и именно это напугало более всего, потому что – как отличить врага от человека? А что, если они начнут проникать в города под видом обычных людей? Что тогда?

но они не начинали. Говорят, безумие, порожденное проклятьем, пожрало их разум. они не считали нужным думать – а только нападали, нападали... Внезапно, выбираясь из-под земли в разных местах, и уничтожая все, что только заставляли рядом.

«Именно для этого нам и нужны темные маги».

те самые, которые и сами-то от вергов недалеко ушли, и их ритуалы ужасны, но, но... Светлейший и позволяет им жить только потому, что верги не сопротивляются темной магии. А вот светлой – очень даже успешно.

И в какой-то миг Камилла сама не заметила, как провалилась в сон.

на нее обрушилась цветная карусель легких, мимолетных образов, странных и удивительных. о подобном она и помыслить не могла: перед ней на коленях стоял юноша, невероятной красоты. У него были темные прямые волосы, стелящиеся по плечам и по спине, невероятно бледное лицо, и большие темные глаза в пушистых ресницах. он стоял перед ней на одном колене, протягивая кольцо из белого золота с

♣большим бриллиантом, в котором роились тысячи крошечных звезд. И самое главное – чело юноши венчала корона из белого золота. Странной формы, вся как будто сплетенная из извивов, усыпанная бриллиантами. Камилла молча смотрела на юношу, чувствуя

замешательство. она точно знала, что он предлагает ей руку и сердце, но почему-то не решалась, что-то очень сильное и неумолимое тянуло ее обратно... Куда это – обратно? А красивый юноша смотрел так пронзительно и печально, что у нее сердце разрывалось на части. И в то же время глубоко внутри стремительно зрело чувство, что все происходящее – морок, и что есть нечто более важное, принадлежащее именно ей...

– Приехали, курочка моя, – раздался откуда-то голос папеньки. И, находясь в полудреме, Камилла через силу открыла глаза и уставилась на него. Внутри, под ребрами, все моментально взялось хрусткой и колючей ледяной коркой: ей вдруг показалось, что ее милый папа выглядит совсем не так, как должен. Слишком бледный, и тусклый, погасший взгляд... она торопливо заморгала, и морок схлынул: на самом деле барон был весел, насмешлив и отпускал шуточки.

– ох, как спина затекла, – пожаловалась матушка. но Камилла ее уже не слышала: затаив дыхание, она уставилась в окно. Взгляд упирался в белую штукатуренную стену – действительно белую, ни пятнышка грязи! И вокруг было довольно светло, невзирая на то, что уже вечер. А потом карета дернулась, подвинулась немного вперед, и в поле зрения Камиллы появились двустворчатые витражные двери, по обе стороны от которых навывтяжку стояли лакеи в ливреях винного цвета. Дыхание окончательно сбилось, и она едва понимала, как выбралась наружу, опираясь на мозолистую руку барона, и как лакеи с презрительной гримасой отворили перед ними эти прекрасные двери. Со всех сторон на нее обрушился яркий свет от тысяч кристаллов – Боооже, как это дорого! И шум, гомон, топот сотен ног. Пестрое людское море подхватило ее волной и обязательно бы унесло, но матушка вцепилась в локоть, не давая отойти ни на шаг.

– Дорогая, на тебя смотрят, – шепнула она на ухо, – а ты едва не забыла шаль снять.

♣И правда. Камилла ловила на себе взгляды: удивленные, восхищенные, любопытные, не всегда добрые. она наконец выдохнула, остановилась и осмотрелась: они стояли посреди большого холла, под потолком висела воистину гигантская люстра, собранная из сотен светящихся кристаллов. В холле толпились прекрасно одетые дамы и кавалеры, они собирались в группки, словно косяки ярких рыбешек, смеялись, разговаривали... И внезапно Камилла поняла две вещи. Первой было то, что их семья – чужие на этом празднике жизни. никто не подошел к ним, никто не заговорил. на них вообще не обратили внимания. Второй же – и весьма печальной – была мысль о том, что даже ее прекрасное платье с розами кажется очень скромным на фоне туалетов присутствующих дам, а синее платье ее матушки так и вообще сойдет за домашнее.

осознание это оказалось болезненным. Еще несколько часов назад мир ложился к ее ногам бриллиантовой пылью, а теперь оказалось – что сама она практически пыль под ногами других.

«Зачем мы приехали?» – задалась она вопросом.

неужели в самом деле, чтобы показать меня принцу и попытаться завладеть его вниманием?

но ведь... он может и не глянуть на меня...

– Где мой брат? – расслышала она гневный голос папеньки.

оказалось, барон что-то выяснял у лакея, все громче и громче, и вот, перешел на крик. Кровь прилила к щекам: ну вот, теперь все на них смотрят... Камилла молча наблюдала, как папенька гневно жестикулирует, и как лакей, кривясь, наконец указал на вход в следующий зал.

– Идем, – скомандовал барон своему семейству.

матушка подхватила Камиллу под локоть, и они двинулись дальше – в еще более просторный и светлый зал, по стенам украшенный винно-красными бархатными драпировками, меж которых блестили золоченые колонны. Камилла подняла глаза: своды потолка были украшены яркой мозаикой. И с тоской подумала, что потолок в их особняке кое-где даже осыпался серыми хлопьями штукатурки. тем временем от группы мужчин и женщин, разряженных в пух и прах, отделился высокий мужчина и стремительно пошел им навстречу. У него были совершенно седые, зачесанные назад, длинные

▲волосы, камзол из золотой парчи и медальон на толстой цепи, украшенный разноцветными камнями.

«Дядя Кервинд», – вспомнила Камилла и учтиво поклонилась, как учила ее матушка.

– Ба, а вот и мой брат! – герцог заключил барона в медвежьи объятия, – рад, очень рад тебя видеть. Уж думал не приедешь! А вот и госпожа баронесса, – он отвесил шуточный поклон матушке, и затем его взгляд прилип к Камилле, – неужели это наш нежный цветочек, который так незаметно и тихо расцвел?

– Да, это Камилла, – с достоинством ответила матушка, и было видно, что ей приятна похвала родственника, – ей исполнилось восемнадцать, и это значит, что ей пора быть представленной...

– Безусловно! – воскликнул дядя, но Камилле почему-то померещилась в его радости легкая фальшь, – ну-ка, моя милая, дай-ка я на тебя посмотрю!

– А где твой сын? – спросил папенька.

Кажется, вопрос смутил Кервинда Велье.

– Ему нездоровится.

И она не успела и слова сказать, как он ее схватил за локти и принялся вертеть из стороны в сторону, разглядывая, словно она была куклой.

– Боже, – пробормотал герцог, – что за глаза, что за волосы!

Это от вас, госпожа баронесса? несомненно, от вас! Что это прекрасное создание могло унаследовать от моего брата? Да ничего! ну что ж, милая, идемте, я представлю вас молодежи, а мы с моим братом должны потолковать по – родственному.

Камилла обернулась на матушку, но та только кивнула со слабой улыбкой – мол, иди.

оставалось только подчиниться, хотя ей не очень-то нравилась идея, что дядюшка ее куда-то тащит и собирается «представить молодежи». А он, размашисто шагая, все хмыкал и повторял:

– ну, а что... ваше дело – молодое. Восемнадцать лет – лучший возраст для замужества, моя дорогая. тем более, что, думаю, здесь есть кое-кто, в чьей благосклонности вы будете весьма и весьма заинтересованы!

«Это кто же?» – растерялась Камилла.

▲А потом вспомнила: здесь принц, и дядя, конечно же, говорит о

принце Эдвине Лоджерине. Выходит, все складывалось, как ей хотелось? Или уже ничего не хотелось?

тем временем дядя Кервинд остановился перед группой довольно молодых и совершенно незнакомых людей – впрочем, кого она могла знать, сидя в уединенном поместье? – и весело произнес:

– Господа, дамы... Хочу представить вам это дивное дитя, мою племянницу. Камилла Велье. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Камилла снова ощутила, как к обнаженной коже липнут чужие недобрые взгляды. она заставила себя поднять повыше голову и принялась в ответ рассматривать компанию – а она оказалась невелика, четверо мужчин, три девушки.

«Кому-то не хватает пары», – мелькнула золотой рыбкой мысль.

– оставляю ее вам, мои дорогие, – доносился дядин голос.

Кажется, он говорил ещё что-то, но Камилла уже и не слушала, растянув губы в искусственной улыбке, смотрела на новых знакомых. мужчины были молоды и хороши собой. Девушки – прекрасны в светлых, воздушных платьях и с искусными прическами. Впрочем, ни у одной из них не было столь светлых волос, как у Камиллы. Среди мужчин выделялся один: высокий брюнет с темно-карими, почти черными глазами. Волосы у него слегка вились и вольготно лежали вокруг воротника темно-синего камзола. И, как показалось Камилле, он тоже с интересом ее рассматривал – с холодным таким интересом, как будто она – забавная зверушка, которая внезапно выскочила из травы и прыгнула прямо на ладонь.

– Приятно познакомиться, – обратилась к ней девушка с русыми волосами, завитыми мелкими кудряшками и уложенными вокруг головы как снопы соломы.

У девушки были яркие голубые глаза и веснушки, которые проглядывали сквозь слой пудры.

– Я – мьерра, – представилась она, – графиня Льесская.

Камилла учтиво поклонилась – не слишком низко, так, совсем немного, чтобы продемонстрировать воспитание.

– Камилла – звучит, как леденец, – внезапно сказал темноглазый брюнет, – меня зовут Эдвин.

♠И не добавил ни титула, ни фамилии, как будто каждый должен был знать их.

И тут Камиллу словно молнией прошибло, и она почувствовала, как начинает краснеть. Эдвин! Эдвин Лоджерон, принц!

Время как будто остановилось: мысли понеслись вскачь, и она, замерев, ничего не могла с этим поделать.

она ведь... собиралась покорить принца?

ну так вот он, напротив. Стоит и смотрит. А она... тоже стоит, и не может и слова сказать, потому что совершенно не знает, что и как говорить, чтобы заинтересовать такую особу. Да и вообще, похоже, идея с принцем полностью провальная, потому что неясно, что такого нужно сделать, чтобы его покорить? И чтобы он, как в недавних мечтах, провожал до кареты и подавал руку?

Вон он, какой. В самом деле, красив – такой броской, яркой мужской красотой. Высок. Статен. Яркий, как росчерк пламени во тьме. И наверняка образован, очень образован, так что ничем она его не удивит.

однако, Камилла кое-как взяла себя в руки и присела в элегантном

реверансе.

— очень приятно, ваше высочество. Я рада...

— Видеть меня здесь? — фыркнул он, — да уж, я здесь редкая птица, в такой-то деревне. но отец просил передать кое-какие важные бумаги вашему дяде, и я не стал отказывать. В конце концов, бал — это всегда весело. По крайней мере, так говорят.

— Я — мила, — представилась ещё одна девушка, темноволосая и темноглазая, — надеюсь, тебе не будет здесь скучно...

— Разве может быть здесь скучно? — удивилась Камилла.

— Это наверняка потому, что вы никуда не выезжали, — осторожно сказал белобрысый парень, что стоял сбоку от принца, — на самом деле здесь скука смертная. Ешь да танцуй, ну что может быть ужаснее?

— то, что ты знатный книжный червь, это всем известно, — сказал принц, — но здесь я не могу не согласиться. Балы — это развлечение для женщин.

— однако, как могут развлекаться женщины, если рядом не будет мужчин? — сладко и как-то призывно мурлыкнула мьерра.

♣— И в самом деле, — сказал Эдвин и пристально посмотрел на Камиллу. так, что она снова начала краснеть.

— Потанцуешь со мной, цветочек? — с усмешкой

поинтересовался Эдвин, указывая глазами на розы, которыми был украшен ворот ее платья.

Камилла смутилась окончательно.

она как-то по-иному себе все это представляла.

Ей казалось, что принц подойдет и пригласит ее с поклоном... а не вот так, буднично, фамильярно.

И, наверное, ей надо было величественно ответить что-то вроде «разумеется, ваше высочество», но вместо этого Камилла неловко кивнула.

Вот вам и все.

— новичкам везет, — хихикнул тот парень, которого обозвали «книжным червем», — что ж, пойду, поищу себе такой же бутончик, который в моих руках раскроется прекрасной розой.

Потом они ещё немного поболтали о каких-то совершенно незначимых пустяках. Камиллу с интересом расспрашивали о том, как ей жилось в «такой глуши». Эдвин молчал и задумчиво смотрел на Камиллу, а ее бросало в дрожь от его взгляда — как будто жадного и голодного. она не понимала, почему он смотрит на нее так, и оттого чувствовала себя неловко. Иногда Камилла ловила себя на том, что отвечает невпопад, и видела, что других это забавляет. так что к тому моменту, как заиграла музыка, она почувствовала себя совершенно уставшей. но — нужно было идти танцевать. С принцем, как она и мечтала...

***

Ладонь Эдвина оказалась теплой и жесткой, вероятно, из-за постоянной практики с оружием. Эдвин осторожно сжал ее пальцы и повел вперед, в большой зал — и все смотрели на них, Камилла, пунцовая от смущения, глядя в пол, кожей чувствовала тяжелые, недобрые, завистливые взгляды. Ловила краем уха шепоток — «кто это? откуда? А-а, родственница, ну понятное дело». она невольно вспомнила свой мимолетный сон в карете, где юноша прекрасной

▲внешности протягивал ей перстень. Сон в руку? Из-под ресниц глянула на Эдвина: хорош, просто недосыгаемо хорош, но... не похож на того юношу ни капли. тот... в нем чувствовалась душа, хоть и сон. Какая-то глубина, понимание, доброта. Эдвин Лоджерин был одет в сверкающие доспехи самодовольства, и совершенно было не понять, что же там внутри.

Камилла, ступая в круг танцующих, вспомнила ещё и матушкины слова, что ей не захочется замуж за принца, когда его увидит и поговорит. Что ж... матушка оказалась права.

нет, принц был прекрасным.

но почему-то... Камилла толком не могла объяснить. Почему-то продолжать знакомство не хотелось.

Как будто под сияющей броней затаилась ядовитая сколопендра.

И она, хоть и старалась, не могла отделаться от этого странного чувства.

но заиграл оркестр, что разместился на балконе, пары дрогнули и неспешно двинулись по кругу, но все быстрее и быстрее, вместе с ускоряющейся музыкой. танец назывался «сатарье», здесь рука мужчины лежала на талии партнерши, и так они должны были пройти несколько кругов, глядя перед собой, перед тем как в заключение повернуться друг к другу.

– неплохо танцуешь, – обронил Эдвин Лоджерин, – это правильно, когда даже в самом захудалом поместье девицу учат танцам.

Камилла не нашлась, что ответить – лишь кивнула. С одной стороны, похоже на похвалу, на комплимент – а с другой – словно ядовитый укус. не забыл ткнуть носом в скромный доход папеньки. Камилла бросила взгляд в сторону тех, кто стоял у стены, поймала взгляд матушки. Интересно, а где папенька? Покрутила головой – его нигде не было, равно как и его брата. Похоже, удалились поговорить? Все-таки родня...

– Как тебе герцогский замок? – поинтересовался Эдвин, – нравится?

– Как может не нравиться, ваше высочество...

– Это потому, что твой дядя загребает себе все, что его и не его, – высокомерно пояснил Эдвин, – все жду, когда ж он нажрется... но нет. Все никак.

▲– Я не разбираюсь в этом, ваше высочество.

– Естественно. Чему там тебя учили? Вышивать? Читать-то умеешь?

– Конечно, умею, – Камилла решила держаться до конца, – почему вы решили, что не умею?

– А зачем тебе? Выйдешь замуж за какого-нибудь разжиревшего соседа, нарожаешь ему кучу детей. Зачем тебе что-то уметь? она промолчала, не зная, что и ответить. Похоже, у Эдвина был особенный талант – говорить людям гадости. Пожалуй, она слишком преждевременно загадывала – выйти замуж за принца. За такого? Чтобы всю жизнь выслушивать нечто подобное?

Камилла вздохнула с некоторым облегчением, когда поняла, что танец близится к завершению. Еще два круга – и все. И, пожалуй, она просто постоит у стены – все же лучше, чем слушать его высочество...

– Посмотри вокруг, – вдруг разоткровенничался Эдвин, – все

эти люди — весьма богаты. Я изрядно удивлен, что вас сюда пригласили, потому что всем известно, и даже мне, что барон Велье беден, как крыса. он даже моему отцу умудрился надоесть со своими вечными жалобами на своего же брата. но ты мне нравишься, цветочек.

«С чего бы?» — мелькнула осторожная мысль, и Камилла внутренне напряглась, как натянутая струна.

— А хочешь, чтобы жалобы твоего отца были удовлетворены? — весело спросил принц.

— наверное, ваше высочество, — шепнула Камилла, и ее голос утонул в звуках скрипок.

но Лоджерин расслышал.

— Я могу поспособствовать, да, — сказал он, — но, цветочек, за все надо платить. ничего не бывает просто так... и даже для меня.

— Что вы хотите? — спросила она недоуменно.

В самом деле, что она, наследница очень древней, но очень бедной семьи может предложить такому, как Эдвин Лоджерин? танец закончился. теперь нужно было развернуться лицом друг к другу и...

— Пойдем, ноги раздвинешь, и все тебе будет, — внезапно сказал его высочество, — да брось, что ты так на меня уставилась? Вы все

▲бедные, такие. Строите из себя невинность, а потом задницу готовы лизать, лишь бы вам золота отсыпали...

то, что произошло дальше, Камилла не могла ни понять, ни объяснить — как вообще такое оказалось возможным. Просто... Ее рука взлетела, как будто сама собой, и ладонь обожгло едкой болью, когда она с размаху опустилась на холеную щеку его высочества.

И в зале воцарилась тишина.

такая, что Камилле стало слышно ее собственное дыхание.

она встретилась взглядом с принцем. Увидела в его карих глазах... холод. И собственную смерть. И это при том, что Эдвин улыбался — да, он улыбался, но взгляд его убивал.

— Вот как, — выдохнул он хрипло и потер щеку, — такого у меня... еще не было.

Все смотрели на них.

но он — только на Камиллу, и ни на кого больше.

— Гордая, значит? — жутковатый оскал вместо усмешки.

И Камилла не выдержала. Струсила — до дрожи во всем теле, до ватных ног с противно подгибающимися коленками. Ей вдруг показалось, что Эдвин набросится на нее прямо посреди зала и задушит — именно так он и смотрел.

Всхлипнув, Камилла развернулась и, пошатываясь, пошла прочь.

Все быстрее и быстрее, потом сорвалась на бег. Прочь отсюда!

Быстрее, быстрее...

За спиной снова заиграла музыка.

Эдвин не пытался ее догнать.

Стража не пыталась ее схватить и бросить в темницу.

И только сейчас пришло осознание, что она только что натворила: посмела ударить особу монаршей крови. За это наверняка казнят? Вешают? Четвертуют?

Задышавшись, она вылетела в коридор, и тут ее кто-то схватил за локоть. она взвизгнула, обернулась — оказалось, что матушка.

Бледная, но глаза горят.

– Детка, что ты натворила? – шикнула она, – идем. Идем отсюда. может, ещё с рук сойдет... тут плохо не то, что ты дала принцу пощечину, а то, что ты сделала это прилюдно. Что такого он тебе сказал?

Камилла лишь замотала головой и промолчала.

▲– так, – с ужасающим спокойствием сказала матушка, – бал окончен. Пойдем, подождешь в тихом уголке, а я разыщу отца. Поедем домой. Потом, конечно, придется принести извинения – слышишь? тебе надо будет извиниться, Камилла, но не прямо сейчас... думаю, чуть позже... А теперь – домой, домой!

И она действительно отправилась на поиски отца, оставив Камиллу в каком-то темном углу в совершенном одиночестве. теперь Камилла слышала звуки музыки, это было удивительно – неужели они продолжают танцевать, после такого-то? Сама она не могла справиться с противной мелкой дрожью, забилась в угол, словно крольчонок, и, стискивая пальцы, все думала, думала... Как она могла? Почему так получилось? За всю свою жизнь не подняла руку на бестолковую служанку, зато дала по морде принцу... ох, как все ужасно... И что же теперь будет? она готова извиниться, лишь бы только никто не трогал папеньку и маменьку...

Камилла варилась в котле из собственных страхов и раскаяния. не надо было... Да уж теперь не исправишь... И потому с рыданиями бросилась на шею отцу, а он погладил ее по спине.

– ну, полно, полно, курочка. может, все обойдется. младший Лоджерин, говорят, вспылчив – но отходчив. Да и... что, думаешь, никто ему по морде не давал?

– н-не знаю, – промычала Камилла в отцов воротник.

Папа был стареньким, но все равно, в его объятиях было не так страшно.

– однако, лучше нам податься домой, – добавил папенька, все ещё глядя Камиллу по спине, – что скажешь, госпожа баронесса?

– Да, уж недурственно было бы отсюда убраться, – услышала Камилла.

– Курочка моя, – сказал барон, – не надо плакать. Слезами делу не поможешь... Идемте, разыщем карету.

Удивительно, но из замка они выбрались без единого препятствия. Камилла, шмыгая носом, даже заметила, что на них никто особо и не смотрел – как будто все разом забыли, что принц получил пощечину. Потом, уже в карете, матушка укутала ее шалью и обняла за плечи. Папенька громко вздыхал в потемках, а когда карета покатила прочь от герцогского замка, все же спросил:

– Что он тебе такого сказал, м-м?

▲Камилла судорожно выдохнула и покачала головой.

она не могла повторить этого. Просто – не могла.

Лучше бы отцу не слышать, что Эдвин сказал про таких, как они.

– ну, ладно, – барон снова вздохнул, – будем надеяться, что брат загладит это... недоразумение.

Камилла тоже вздохнула. Ее все ещё потряхивало, никак не получалось успокоиться.

– наверное, балы – это не для меня, – пробормотала она.

– не говори чепухи – сварливо заметила матушка, – но, детка, ты должна понимать, что всем дуракам ты по щекам не нахлещешь.

надо держать себя в руках...

В карете воцарилось молчание.

они ехали, все дальше от замка, и Камилла наконец смогла унять противную дрожь. А мысли все крутились и крутились, словно колеса, возвращаясь к одному и тому же вопросу: как такой красивый мужчина, как Эдвин Лоджерин, мог оказаться такой свиньей и мерзавцем? Как такое возможно? Всегда ведь говорят, что внешность отражает характер. А оказывается — далеко не всегда. она-то, дурочка, думала, что выйдет замуж за принца, и все будет хорошо.

А получилось... некрасиво и нехорошо.

Камилла бросила взгляд в окно кареты: постепенно они приближались к лесу. Высоко в небе сияла чистая монетка луны, и оттого ельник казался облитым серебром. но к луне подкрадывалась большая темная туча, намекая на скорый дождь. Или даже грозу. Камилла нашла на небе созвездие Хранителя и мысленно попросила его, чтобы все было хорошо, и чтобы все забыли сегодняшнее происшествие. но что-то подсказывало, что Эдвин Лоджерин такое не забудет. Вряд ли ему давали пощечины в присутствии такого количества знати.

Потом дорога влилась в самую гущу леса, и неба не стало видно.

Все укрыла тьма, но не уютная и бархатная, а холодная, перемешанная с клочьями тумана и беспокойная.

— Как бы чего не случилось, — сонно пробормотала маменька.

«Как бы ничего не случилось», — повторила мысленно Камилла, невольно вспоминая, какой горячей и жесткой была ладонь принца. огненный росчерк в ночи, стремительный, не ведающий пощады... она

▲вытерла пальцы о подол платья, пытаюсь стереть саму память о прикосновениях этого человека. отвратительно... Все просто отвратительно.

И время как будто замедлило ход. Сколько еще ехать сквозь лес?

...она почему-то не удивилась, когда услышала конское ржание и топот копыт.

— Что это? — встрепенувшись, Камилла затрясла матушку за руку, — вы слышите? Папа?

— Слышу, — недовольно пророкотал барон, — не могу сказать, что мне это нравится. но... будем молиться, чтобы обошло стороной.

— но ведь... это могут быть верги? — спросила матушка.

— Зачем им лошади, дорогая? они выскакивают из-под земли, словно грибы по осени.

отец закричал, завопил на своем сиденье, и Камилла с ужасом увидела, как в потемках блеснула сталь.

— Папа...

— Помолчи, — строго сказал он, — и если что... выскакивай по другую сторону кареты. И беги. Прямо в лес. Хранитель милостив, ничего с тобой не случится. нет, постой. мать, помоги ей избавиться от юбки.

— Что? — пискнула Камилла.

— Быстрее, быстрее, — матушка уже ловко развязывала пояс, — вот так...

Шелк прохладной волной сполз на сиденье, а Камилле вмиг сделалось так холодно, что зубы застучали.

— Успокойся, — сказала матушка, — иногда нужно оставаться

очень спокойной, только тогда ты сможешь что-то сделать.
И зачем-то быстро поцеловала в лоб.

Лошадиное ржание внезапно раздалось совсем близко. Какие-то окрики, приказ остановиться...

— Это не верги, — как-то устало сказал отец, — не верги.

Карета дернулась и стала. А потом раздался крик, стремительно перешедший в булькающий хрип. И тяжелый звук падения.

Барон дождался, когда снаружи резко открыли дверцу кареты, ткнул наугад кинжалом, но, видать не попал, потому что невидимая сила тут же выволокла его, и последнее, что Камилла услышала, было:

— Беги!

♣— Беги, — повторила матушка, ее светлые глаза вдруг показались двумя провалами в вечную ночь.

И не успела Камилла опомниться, как матушка, такая нежная и хрупкая, резко толкнула противоположную дверцу, буквально вышвыривая Камиллу куда-то в ночь и колючки.

— мама! — Камилле казалось, что она кричит, но на самом деле из горла ползло сипение.

«Беги», — снова прозвучал в голове такой родной голос.

И Камилла бросилась в лес, наобум. В карете кто-то громко вскрикнул и умолк.

«мамочка. Папочка...»

— Держи ее! Держи девку! — услышала она сквозь хруст ломаемых веток.

— не дайте ей уйти!

Лишившись длинной юбки, оставшись в чулках и панталонах, Камилла легко скользила среди деревьев, царапаясь, обдирая руки. Ее спасло отсутствие юбки, потому что иначе она бы уже за что-то зацепилась, и ее бы сразу схватили и убили, так же, как ее папеньку и маменьку.

И она бежала, задыхаясь, на подгибающихся ногах — но все же бежала. Скатилась в овражек, снова поднялась... откуда только силы взялись?

В голове набатом бухала одна-единственная мысль: она должна уцелеть. Должна, потому что иначе все будет зря.

Что-то гроыхнуло над головой, и в считанные мгновения как будто небеса разверзлись. Полило так, что мгновенно намокли остатки одежды, под ногами захлупала размокшая земля.

— Держи ее! — слишком близко...

неужели догнали?

Близость гибели придала сил, и теперь Камилла упорно взбиралась по склону, цепляясь за корни, за низкие ветки. она оглянулась всего лишь раз — сквозь стену дождя стал видны светящиеся кристаллы. Значит, у них есть свет — и они ее видят, и рано или поздно найдут...

— нет! — выдохнула она.

И удвоила усилия, взбираясь все выше и выше, а потом вдруг оказалась на открытой площадке. Внизу шумела река. Порывы

♣холодного ветра вперемешку с ледяным дождем хлестали по лицу, по плечам. Камилла невольно попятилась, когда следом за ней выскочил рослый воин в черных доспехах. Ей показалось, что это верг — ведь именно верги носят что-то такое... но когда мужчина дернул из ножен

меч, вспомнились слова папеньки.

«не верги».

но тогда... Люди? Люди принца?

– Иди сюда, – тяжело дыша, сказал он, – хорош бегать...
набегалась уже.

– не подходи, – прохрипела Камилла, выставив вперед руки.

Все еще не верилось... он хочет ее убить? Вот она, цена
пощечины принцу?

мужчина решительно шагнул вперед, сокращая расстояние.

Камилла быстро попятилась. Хлещущие струи дождя слепили, и
все, что она видела – темный силуэт с зажатым в одной руке
светящимся кристаллом и мечом в другой.

– нет! – жалко пискнула она, трясущейся рукой как будто
отгоняя близкую смерть.

отшатнулась назад и... Вдруг поняла, что падает.

Как-то долго падает, спиной назад. А над головой – дождливая
муть, не видно ни луны, ни звезд. И ледяные капли на щеках, как будто
замерзающие слезы. но ведь она не плачет, нет?

от удара о воду почти дух вышибло, и потом ее закрутило,
завертело в ледяном потоке, куда-то понесло... Камилла хватанула
воды, умудрилась оттолкнуться ногами от чего-то твердого, всплыла...
но ее снова и снова швыряло, било о камни – и в какой-то миг она
просто провалилась в темноту. не тревожную. Пустую.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке
автора: <https://feisovet.ru/магазин/Камилла-Жемчужина-темного-мага-Оливия-Штерн>